

Цюаньцзы сидел за домом, обстругивая бамбуковые полоски для рыболовной верши. Плетению корзин, сит и вершей он научился у деда. Тот, помимо торговли рисом в Деревне Чжу, в молодости в свободное от полевых работ время ходил по уездному городу с корзиной бамбука и полосок — кто попросит сплести корзину или вершу, даст несколько монет, он тут же за работу садился. Труд бамбукового мастера был тяжким, а платили гроши. После рождения Цюаньцзы дед забросил ремесло и занялся землёй, но навыки не забыл. Все бамбуковые изделия в доме были его работы, а Цюаньцзы, находясь рядом, кое-чему научился. Красивых сложных узоров, конечно, не плел, но для дела сгодится.

С утра до полудня Цюаньцзы сплёл две верши. Они были с узким горлышком и широким брюхом — рыба, заплыв внутрь, запутывалась и не могла выбраться.

Взяв по верши в каждую руку, он отнёс их к реке, закопал в прибрежных зарослях и прикрыл травой и илом, чтобы рыба приняла их за безопасное укрытие.

В реке И водилось много рыбы и креветок, вода была прозрачной, и жители Деревни Чжу изредка тоже приходили порыбачить.

Закончив с верши, Цюаньцзы вернулся домой. Был уже вечер, матушка Лю разожгла огонь, а у него в животе давно урчало от голода.

Бедность заставляла постоянно хотеть есть, ведь питались они похлёбкой из трав, побегов, с ложкой риса. Цюаньцзы рос, ему нужно было наесться, нуждался он и в мясе.

Матушка Лю всегда отдавала ему миску, где риса было больше, а себе оставляла меньше.

С переезда в Деревню Чжу прошло уже дней десять, и жилось им тяжело. Посаженное ещё не взошло, припасённые рис и бобы подходили к концу. Хорошо, что ткань почти готова — через пару дней можно будет обменять на рис.

— Мама, ешь ты, — не позволил Цюаньцзы, когда мать собралась переложить остатки похлёбки в его миску.

— Ты целый день трудился, тебе нужно больше.

Матушка Лю взяла его миску и вылила в неё остатки — набралось всего полмиски.

— Мама, завтра рыба будет.

Цюаньцзы поднял глиняную миску, быстро съел всё и, облизнувшись, сказал:

— Как домну ткань — на рис обменяем.

Все эти годы матушка Лю день-деньской ткала, на вырученное растила сына. Была она трудолюбивой, руки проворными — кое-как сводили концы с концами. Теперь же, в Деревне Чжу, запасы на исходе, и она, не в силах смотреть, как сын голодает, ткала из последних сил.

Погладив сына по взъерошенной голове, она утешила его — последние дни он явно недоедал.

Пужинав, они разошлись по своим углам. Светильника в доме не было, но в окно светили звёзды и луна — и этого хватало.

На следующее утро Цюаньцзы отправился к реке проверить верши. Обе были тяжёлыми, и сердце его забило от радости. Уж сколько дней мясного вкуса не знал — самое время рыбой

побаловаться.

Спешить вытряхивать не стал, дал воде стечь, потом осторожно высыпал улов в деревянное ведро.

Прежние хозяева покинули дом, оставив кое-какой скарб: ту самую лодку, это ведро — очень пригодились.

В ведре оказалось пять или шесть рыб, одна — крупная, да ещё пара вьюнов, несколько креветок да улиток.

Богатый улов — на день пропитания хватит.

Довольный Цюаньцзы вернул верши на место, снова прикрыл травой и илом. Завтра снова будет рыба — дело выгодное. С тех пор как покинули Деревню Фэн, он сытно не ел, а надо было раньше за верши взяться. Да только после переезда в Деревню Чжу сразу за ремонт дома да расчистку поля принялись, не до того было.

Вспоминая первые дни после переезда, понимал — тяжело пришлось. Крыша текла, стены земляные рушились. Цюаньцзы каждый день на крышу лез, дыры досками заделывал, а дожди всё шли да шли. Со стеной ничего поделать не могли, только когда погода наладилась, вдвоём с матерью глину замесили, водой развели да на бамбуковую основу нанесли.

Для своего возраста Цюаньцзы был куда смышлённее и умелее сверстников из Деревни Чжу.

Пока он на том берегу радостно высыпал рыбу из верши, А-Ли и Чжуан Лань с любопытством наблюдали, рты разинув.

В Деревне Чжу так не ловили — использовали небольшие сети, да и то с трудом: нужно было реку перегородить, в воду зайти, сеть растянуть. Без четырёх-пяти человек не обойтись.

— А-Ли, это что он в воду положил?

— Будто бамбуковая ловушка, для рыбы.

А-Ли, который был постарше, догадался, для чего она.

— А-Ли, когда он уйдёт, сходим тихонько посмотрим?

— Он из лука стреляет.

Жалобно сказал А-Ли.

— Не бойся, лук ему сломали.

В той суматохе Чжуан Лань заметила, как слуги сломали лук мальчика, и в душе даже обрадовалась — теперь бояться нечего.

— Ладно, когда он в дом зайдёт, тихонько сходим, ловушку посмотрим.

А-Ли ободрился. Лука он боялся, и страх тот ещё не прошёл.

— Чью ловушку посмотреть собрались?

Невесть откуда рядом возник Чжуан Ян, на коромысле — корзина с землёй, видимо, пришёл ила набрать для цветов. Весна — самое время в пруд во дворе лотосы посадить.

А-Ли замялся, слова не выговорил, а Чжуан Лань ответила:

— Брат, тот человек ловушкой рыбу ловит.

Пока они разговаривали, Цюаньцзы на том берегу уже заприметил «врагов» и стоял, гневно уставившись.

Детей из Деревни Чжу он не любил — не только этих опрятных Чжуан Лань и А-Ли, но и прочих бедняков. Вечно они пакостят: то ростки бобов на его поле повывёртывают, то камнями в окна-двери швыряют — хотя Чжуан Лань и А-Ли этим не промышляли. Цюаньцзы гонялся за ними с палкой, прогонял подальше.

Плохо дело — про рыбалку провели, уж эти-то сорванцы точно навредят. А рядом с ними тот добрый юноша стоит. Цюаньцзы разжал руку, в которой зажал камень. Почему-то при виде этого юноши злость поутихла. Наверное, потому что тот помог овцу вернуть, да и когда слуги его схватили, слово за него сказал. Хотя юноша явно своих выгораживал, но Цюаньцзы редко встречал людей, которые к нему хорошо относились — кроме матери, деда да Хромого Вана.

Решил Цюаньцзы у дома остаться — если эти двое посмеют через мост перейти, его верши тронуть, он им покажет. С этой мыслью развернулся и ушёл, внимания на них более не обращая.

— Это рыболовные верши. Хотите такие — скажите старику И, пусть сделает.

Чжуан Ян был постарше, видал больше. В Линьцюне он видел, как так ловили.

— Его верши не трогайте, они ему для пропитания.

Эти дети не знали, что такое нужда.

— Хорошо.

Чжуан Ян был для них добрым старшим братом, и они его слушались.

— А теперь идите, помогите лотосы посадить.

Пока говорил с детьми, он уже полную корзину ила накопал. Дети, которым делать было нечего, радостно за ним последовали.

Чжуан Ян впереди, корзину на коромысле нёс, они сзади. Один высокий, двое маленьких — мирно и согласно.

Цюаньцзы, стоя на пороге своего дома, провожал их взглядом, и в душе шевельнулась зависть. Зависть к тому, что у других есть старшие братья.

А у его матери был только он один.

Вскоре после рождения Цюаньцзы в стране началась смута. Бунтовщики поднялись, солдаты, расквартированные в Линьцюне, спешно отступили. Среди отступавших был высокий статный командир конницы — родной отец Цюаньцзы.

После полудня Чжуан Ян сидел на циновке за низким столиком, перед ним был развёрнут свиток «Вёсен и Осеней», но взгляд его был устремлён в окно. Солнечный свет, пробиваясь сквозь листву, рисовал на земле причудливые узоры, а ветви камелий гнулись под тяжестью гроздьев алых цветов.

Весной в саду под камелиями молодой учёный в синем одеянии учил Чжуан Яна «Вёснам и Осеням». Этот синий силуэт два года назад, весной, унёс ветер.

— Брат, я вернулся.

Вбежал А-Пин, за ним — Даньбин. В руках он держал свёрток и лакированную шкатулку.

— Что сегодня учитель проходил?

— Учитель учил: «Двое в лодке плывут, вдаль плывут, желая...»

А-Пин запнулся, запомнил только эту строчку, смутился и поспешно развернул свёрток, заглянул в свиток.

— «Желая вспомнить о тебе, сердце трепещет».

<http://bllate.org/book/15945/1425426>